

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

А. К. Магомедов

Ульяновский государственный университет
E-mail: armagomedov@gmail.com

Данная статья исследует идеологическое содержание российского регионализма 1990-х гг. На примере конкретных регионов – Татарстана, Калмыкии, Нижнего Новгорода, Саратова – показано, как провинциальные элиты власти формулировали концептуальные рамки, в пределах которых они создавали локальные экономические и политические институты. С этой целью в работе подняты две большие проблемы: политическая элита и политическая идеология. Показано, что производство идеологий является областью политического призвания элит.

Ключевые слова: региональные элиты, локальные идеологии, постсоветская неопределённость, концептуальные рамки для регионального политического вызова, трансформация «снизу».

Political Elite and Political Ideology. Regional Elites and Regional Political Challenge to Post-Communist Russian Uncertainty

A. K. Magomedov

This paper offers an ideological outlook on Russian regionalism. The author examines the underlying ideological features of regional processes in post-Soviet Russia. He draws on four concrete regions, Tatarstan, Kalmykia republics, Nizhnii Novgorod and Saratov oblasts, to illustrate how regional politicians in each of these formulate their region's special mission and thereby create what he calls «cognitive maps of reality» of their territories.

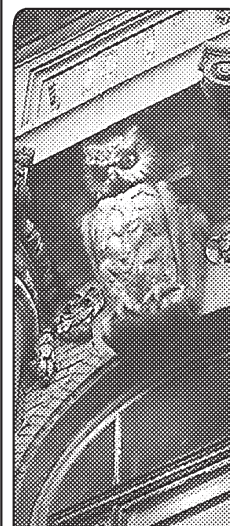
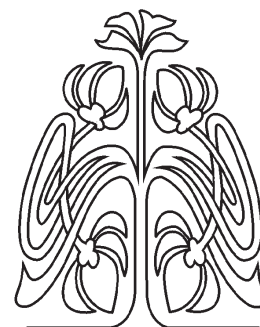
Key words: regional elites, local ideologies, post-soviet uncertainty, conceptual frameworks for regional political challenge, transformation «from below».

Существование элиты определяется не жадой власти отдельных индивидов, а общественной потребностью в исполнении стратегических функций особо квалифицированными людьми.

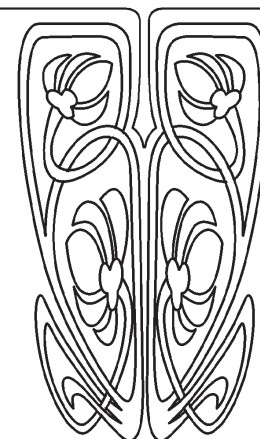
К. Мангейм

Сегодня, когда хаос смыслов разрастается в сознании россиян, когда налицо шизофреническое раздвоение национального сознания, колеблющееся между гордостью за победу в Великой Отечественной войне и стыдом за «Большой террор», весьма актуальным становится понимание того, как политические элиты создают идеологии. Для этого обратимся к тому кризису основ социального порядка, который разразился в российском обществе после крушения СССР. В этой статье исследуется то, как региональные элиты целенаправленно цементировали разваливающийся мир в пределах региональных интересов.

Важнейшей особенностью российской постсоветской истории 1990-х гг. стало то, что традиционно сильная центральная власть начала стремительно «перетекать» в нижние горизонты управления. Указанные моменты объективно проявились на фоне упадка государственных ценностей и деградации созидательной политической воли федерального центра.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Характер подобной эволюции, помимо прочего, был задан суверенизацией и самоутверждением региональных элит. Региональные лидеры приобрели значительную автономию по отношению к центру, усиливали опеку над обществом.

Регионализация рассматривается в данной работе не как следствие социально-экономических изменений, а как развивавшийся в тесной взаимосвязи с ними и обладавший особой логикой процесс возникновения новых символов, идей, образов и систем ценностей «снизу» – из провинции, и прежде всего во исполнение интересов региональных политических элит. Здесь можно говорить о формировании регионов в качестве «воображённых сообществ». **Следовательно, я изучаю переходные российские регионы как хороший пример попыток политического воссоздания «снизу» и адаптации к эпохе публичной политики.**

В данной работе исследуется не только то, как региональные политики реагируют на ключевые проблемы, но и то, как они анализируют эти проблемы. Работа акцентирует не просто на оценку региональными держателями власти тех или иных процессов, но и на раскрытие центральных стандартов их политических оценок.

1. Элита и идеология: проблема описания и авторская концепция анализа

Любое обращение к элитизму и к идеологии часто становится причиной весьма несдержанной дискуссии и высказывания весьма несдержанных оценок обеих категорий².

Политическая идеология. Долгое время существовала традиция рассматривать идеологию как нечто ненаучное, иллюзорное и в целом патологическое образование в духовной жизни общества. С отмеченных позиций многие сводили все идеологическое к выражению состояния деформации, деградации и омертвелости сознания. Зафиксировав данный факт, пойдём дальше.

Суть предлагаемого мной подхода к изучению идеологии заключается в выявлении социальных детерминант идеологии. На мой взгляд, перспективными в этом плане являются два главных подхода: теория интересов и теория «напряжения» (the strain theory). В теории интересов идеологические заявления и решения смотрятся как инструменты в борьбе за власть и выгоду. В теории «напряжения» – на фоне усилий по корректировке социопсихологического и социокультурного неравновесия в обществе. В первом случае люди стремятся к власти и к оправданию этой власти, во втором случае они бегут от тревог и неопределённости. Для первого подхода идеология есть маска и оружие, для второго – симптом и лекарство.

Для изучения переходного общества, каким является постсоветская Россия, эвристически более ценной представляется теория «напряжения».

Теория «напряжения» исходит из факта периодически повторяющейся дезинтеграции общества, когда идеологические поиски рассматриваются как ответ на это отчаяние. Данная точка зрения рассматривает идеологии как системы ценностей, которые, выступая в качестве политического мировоззрения, обладают особенно большим ориентационным потенциалом. В этой связи известный антрополог Клиффорд Гирц ярко и образно охарактеризовал идеологии как **«карты проблематичной социальной реальности, которые позволяют коллективное понимание и осмысление изменений и вызовов, с которыми сталкивается общество».** В качестве таковых они обеспечивают «новые когнитивные путеводители для общества и могут помочь в восстановлении порядка»³. Как карты реальности, идеологии структурируют смысл и концептуализацию политического мира. Идеологии также делают возможным выбор осознанных дилемм, вследствие чего занимают важное место в процессе принятия решений. В принципиальном плане именно идеология, являясь системой смыслов, дает наиболее полный и развернутый ответ на общественный кризис.

Идеология обеспечивает символическо-смысловой выход для эмоциональных беспокойств, порожденных дезинтеграцией общества. Например, Татария не стала бы Татарстаном, Калмыкия – Хальмг Тангчем, а Чечня – Ичкерией без производства популярных символов (на уровне этнокультурной и региональной общности), с помощью которых бросался вызов эмоциям всеобъемлющего мировоззренческого кризиса в обществе.

Политическая элита. Как и в случае с идеологией, политическая элита является одним из наиболее спорных понятий политической науки. К сожалению, в большинстве случаев элита определяется лишь по таким признакам, как близость к владению и управлению материальными ресурсами.

Суть предлагаемого мной подхода к изучению элит заключается в рассмотрении правящих групп через призму их генетической миссии – лидерства. Одним из главных лидерских призваний правящего класса является производство смыслов. Перефразируя известного немецкого психиатра Лотара Готлиба Тирала, можно сказать, что **самым утончённым признаком элиты и одновременно воплощением всех её интеллектуальных сил является её мировоззрение.** Для меня важно понимание того, что элита любого общества – естественный генератор идей, она же – передатчик заимствованных идей, она же – главный субъект политики. Это куда более важная и трудная задача для элиты, нежели отправление властных функций или распределение ресурсов. Члены политических элит выступают в качестве наиболее активных, способных к обобщениям

индивидуумов, выполняя роль производителей и распределителей идеологии. Мысли господствующих классов являются господствующими в любую эпоху, а пути обществ столь же закономерно определяются мифами и доктринами правящих меньшинств. Особенно это важно в кризисные эпохи, когда общество оказывается в переходном состоянии. Таким образом, властвующие элиты представляют собой политические группы, способные выражать свои интересы и волю на языке идеологии.

Взгляды представителей элиты характеризуются, как правило, богатством и структурированностью. Интерпретация интересов общества и составляющих его групп – важнейший аспект политической деятельности как профессионального политика, так и государственного служащего. Поэтому элиты очень чувствительны к информации, которая обладает идеологическим оттенком.

Политические активисты всех уровней являются весьма жадными потребителями политических оценок и часто участвуют в различных политических дискуссиях. Их идеологическая виртуозность и изощренность есть следствие возрастающей тяги к политической информации и комментариям. Любая политическая группа есть подразделение, живущее актуальными идеологическими интересами и усматривающее свое существование в изучении противника. Хорошее образование, которое, как правило, имеют представители элит, усиливает их когнитивные способности к распознаванию и постановке новых проблем.

Изучение политического мировоззрения элиты: постановка адекватного инструментария. Сказанное позволяет говорить о том, что методы, используемые для исследования общественного мнения и массового политического поведения, не подходят к изучению элитной системы взглядов. Изучение последней требует от исследователя такого инструмента, который поможет раскрыть неуловимые особенности политической культуры властвующих меньшинств. А вместе с тем понять то, что стоит порой за рискованным поведением региональных властей.

Данные обстоятельства предопределили выбор методики исследования для понимания политического мировоззрения правящих групп. Из всего набора исследовательских методик в качестве главного автором было выбрано глубинное интервью в свободной форме, поскольку внеинституциональные феномены (ценностный, культурный и т. п.) требуют использования более тонких познавательных технологий. Этот метод является незаменимым инструментом для подобного анализа, поскольку обладает высокой подвижностью и чуткостью к улавливанию оттенков политического сознания правящего класса. С июня 1994 г. по октябрь 1996 г. автор, работая в российских республиках и регионах, лично взял интервью у 45 представителей калмыцкой правя-

щей верхушки, 49 ведущих политиков Татарстана, 48 и 44 членов правящей элиты Нижегородской и Саратовской областей соответственно. Среди них были: в республиках – министры, члены правительства, госсответники и советники при президентах республик, ведущие парламентарии; в областях – губернаторы, руководители подразделений исполнительной власти и депутаты областных законодательных органов.

Здесь возникает вопрос: почему были выбраны именно эти группы политиков? У автора не вызывает сомнений, что представители политико-административной власти являются единственно релевантными членами правящей группы в России. Сказанное не исключает случаев, когда тот или иной индивидуум является членом политической, интеллектуальной и экономической элит.

В связи с этим встает еще один вопрос: как мне удалось получить доступ к региональным правящим элитам? Ведь известно, что элиты защищают вход в свой мир гораздо строже, чем большинство людей защищают вход в свое жилище. В данном вопросе мне была оказана решающая поддержка со стороны тогдашнего Министерства по региональной и национальной политике РФ. В частности, бывший в то время заместителем министра генерал Александр Котенков лично ходатайствовал перед главами выбранных для исследования регионов в оказании содействия в проведении данного исследования.

Вернемся, однако, к методике. В базе данных имеется 186 интервью с представителями региональных элит. Интервью длилось в пределах 1–1,5 часов по единой схеме, которая состоит из 26 вопросов. Схема включает в себя 4 раздела: 1) личные данные респондента; 2) политические взгляды респондента; 3) проблемы региона и взаимоотношения «центр–периферия»; 4) система организации местной власти.

Все интервью были записаны на пленку с минимальным воздействием на откровенность респондентов и с несомненной пользой для последующих анализов. Собеседники имели возможность импровизировать, не обременяя себя строгими границами поставленного вопроса. Данная тактика в нашем случае даёт возможность охватить не только главные характеристики персональной политической философии каждого представителя элиты, но и малозаметные частности, которые зачастую являются критическими в понимании этой философии.

Автор отдаёт себе отчёт в том, что некоторые интервью могут отражать суждения политиков, высказанные в явно некритической манере и отражающие их риторическую стратегию. Однако когда власти говорят о своих действиях, это есть ситуация, в которой устанавливаются их повествовательные программы. Их мировоззрение можно очертить, их поведение можно изучить, а масштаб данного мировоззрения – измерить. Политический язык формирует, хочет того пользующийся

им или нет, политическую действительность, в которой он создает ориентации через политические определения «своего–чужого». Как отметил Поль Рикер, действие является преимущественно деянием говорящего человека и о действии можно говорить как о чем-то неизменно символически опосредованном. Человеческая деятельность, будучи символически опосредованной, прежде чем стать доступной внешней интерпретации, складывается из внутренних интерпретаций самого действия; в данном смысле сама интерпретация конституирует действие.

2. Кросс-региональный подход в исследовании локальной политики

Глубоко изучить процессы самоутверждения региональных элит и выдвижения ими политических идеологий во всех землях Российской Федерации не представляется возможным. Поэтому обсуждение проблемы идёт на конкретном рассмотрении процессов в наиболее показательных республиках и регионах.

Границы исследования охватывают республики и регионы Поволжья. Этот географический ареал является наиболее удачным полигоном для кросс-локального анализа политической идеологии здешних властей. Поволжье в миниатюре отражает ситуацию в России, включая в себя как аналитически исключительные, так и обычные территории. Важный вопрос касается репрезентативности выбора конкретных регионов в рамках Поволжья. **Для выполнения этой задачи важно отобрать регионы с максимально возможным числом расхождений между ними.** Это то, что в прикладной политологии называется «принципом максимального различия систем»⁴.

Прежде всего, выбраны две республики: Татарстан и Калмыкия. Их сравнение наиболее удачно отражает общую картину разделения России по принципу «Север–Юг» (промышленно развитые и богатые сырьем области Севера и Востока и бедные аграрные регионы Юга). Татарстан, безусловно, относится к первой категории, имея нефть, мощное машиностроение (КамАЗ, ЕлАЗ), авиастроение и значительный интеллектуальный потенциал. Что касается Калмыкии, то на всем протяжении советского периода она существовала как малозаселенный аграрно-сырьевой придаток.

Помимо двух республик выбраны две области: Нижегородская и Саратовская. Нижегородская область – регион, который в первой половине 1990-х гг. был местом хоть и показного, но активного рыночного реформаторства. Бывший губернатор области Борис Немцов являлся одним из известных российских политиков и откровенным фаворитом тогдашнего Кремля.

Именно Татарстан и Нижегородская область первыми бросили вызов остальной России. С этого момента деятельность татарстанской и нижего-

родской руководящих групп стала предметом политической рекламы. Однако их географическая близость контрастирует с различием приоритетов местного развития. Если Нижегородская область стала своего рода лабораторией радикальных рыночных преобразований, то руководство Татарстана выступило против «шоковой терапии».

Что касается Саратовской области, то она поначалу была выбрана в качестве обычного региона – ввиду отсутствия ярких публично-политических характеристик. В отличие от Татарстана, Калмыкии, Нижнего Новгорода эта область до апреля–сентября 1996 г. в миниатюре отражала состояние большинства российских провинций, не претендующих на свой особый путь развития. Ситуация радикально преобразилась после назначения 15 апреля 1996 г. на пост главы администрации области Дмитрия Аяцкова, а затем его победы на губернаторских выборах 1 сентября того же года.

Для выхода из затянувшейся депрессии, в которой пребывала область, новый губернатор использовал большую идею «Превратим Саратов в столицу Поволжья» и собственный пример активности. Так, в первые же дни после избрания Д. Аяцкова на заседании областной Думы был принят ряд важных законов, заметно повышающих статус Саратовской области, появились герб, флаг и правительство. Функции главы областного правительства взял на себя губернатор.

Данный выбор регионов создаёт удобную аналитическую конфигурацию для перспективного кросс-регионального исследования политической идеологии лидирующих групп российских земель. В рамках такой сравнительной выборки Поволжье предстает перед нами как центр политических, экономических, этнических и цивилизационных перекрестков. Новейшая история данных регионов как идеологических центров во многом обозначила пределы конфликтов и напряжения центральной и локальной властей и соответствующих типов политического поведения. Между этими различными примерами можно поместить множество промежуточных региональных моделей.

3. 1990-е годы – эпоха Ельцина: когда элита говорит. Региональные идеологии и природа политического вызова «снизу»

Как уже было отмечено, исторически идеологии возникают вследствие разрушения институтов власти и полной дезинтеграции ортодоксальных систем взглядов, связанных с ними. Наше понимание причин регионализма и выдвижения локальных элит в центр российской политики станет более ясным, если посмотреть на события со стороны пережитого россиянами внутреннего культурного и психологического потрясения.

Такие исторические события, как распад СССР, драма «шоковой терапии», попытки разрыва с прошлым, вызывали у людей чувство тревоги и смятения. Как выразился отечественный аналитик Юрий Бялый, перестройка и постперестройка «выжгли все мировоззренческие мотивационные регистры вместе с их идеологическими связками»⁵. Без преувеличения можно сказать, что процессы, характерные для массовой психологии россиян, были типологически близки к тем, что обычно сопутствуют резким разрушениям природы социального порядка. И надо особо отметить, что состояние коллективного стресса в обществе во многом преодолевалось спонтанным выдвижением идеологических центров на периферии.

Именно в контексте этого глубинного политико-мировоззренческого кризиса различные идеологии регионализма приобретали свое значение. Так, например, почти одновременно, начиная с 1992 г., лидеры Нижегородской, Ульяновской областей, Татарстана заявили о том, что политическая нестабильность и унифицированный гайдаровский вариант перехода к рынку должны остаться за пределами их регионов. Данным шагом правящие группы этих субъектов Федерации пытались удовлетворить возмущенную у населения потребность в социальном патронаже. Некоторые региональные лидеры превратились в своего рода культовые фигуры для населения своих регионов. Например, посетивший Ульяновск корреспондент газеты «Уолл Стрит Джорнэл» Ади Игнатиус отметил, что глава администрации области Юрий Горячев почитаем на местном уровне едва ли меньше, чем Ленин в лучшую его пору⁶.

Исследовательница из Элисты Эльза-Баир Гучинова пишет, что в лице Кирсана Илюмжинова народ создал себе героя: умного, сильного, почти всемогущего, который сможет объединить всех калмыков и привести народ к процветанию. Во время своего первого избрания на пост президента Калмыкии он воспринимался в народе как ниспосланный Богом, как лицо, близкое мессии. Новое время потребовало своего героя, по значению эквивалентного героям калмыцкого эпического цикла «Джангар»⁷. Эти примеры показывают, что политические лидеры и властвующие группы указанных и ряда других провинций стали выразителями локальных ожиданий населения, порождая мифы коллективной судьбы на уровне обыденного сознания.

В условиях нарастающего регионализма главной задачей правящих групп становится легитимация своего статуса. Для наиболее активных и дальновидных региональных элит в России актуальной оказалась не ориентация на рыночные модели, усваиваемые через столицу, а выработка опережающей реформаторской стратегии. Их самоутверждение происходило в рамках провозглашения самостоятельной концепции правления. Одна за другой на свет появились знаменитые модели регионального развития: «нижегородская»,

«ульяновская», «татарстанская», «калмыцкая» и др. Как правило, эти усилия сопровождались эффектным и выигрышным конфликтом с гайдаровским правительством, которое на местах наделялось отрицательным имиджем⁸.

Идеологическое обоснование такого вызова со стороны локальных элит заключалось в выдвижении заявлений, что именно их путь есть исторически осмысленное поведение в интересах населения своих провинций. Так, госсотрудник Президента Татарстана Р. Хакимов заявил: «Почему следует российские реформы брать за эталон? Мне, например, они больше напоминают хаос. Разве не имеет право Татарстан идти своим путем к реформам, отвечающим интересам его населения? Или в мире существует только один путь – предложенный Москвой?»⁹. Этот и другие примеры свидетельствуют, что представления региональных лидеров о своей миссии требовали внутренней культурной реформации и демонстративного отказа от проповедуемых центром приоритетов. В данной ситуации различные региональные мировоззрения, программы и лозунги в значительной степени представляют собой компенсаторные реакции кризисного сознания, дополняющиеся кое-где экзотическими срывами¹⁰. Выход из этого кризиса обеспечивает эмансипация региональных элит и появление идеологических центров на периферии.

Онтологические основания и доктринальность – ключевые параметры политической идеологии. Идеологический вызов региональных элит ведет к заметному расширению мотивационного горизонта и структуры политических целей. Типичный пример – следующее заявление из Казани: «Татарстан без национальной идеи, национальной цели, в конечном счете, будет восприниматься внешним миром как сепаратистски настроенная административно-территориальная единица, как часть целого, т. е. России. Татарстан, воодушевленный национальной идеей, объединенный национальной целью, несмотря на все внешние и внутренние препятствия на пути к этой цели заявляет о себе мировому сообществу как исторически обусловленное и юридически законное государственное целое».

Идеология как совокупность форм мышления и ценностных представлений весьма аналитична. Значительный его массив представлен онтологическим пластом, утопающим в сознательно-логическом основании. **Идеология выступает как концептуально «оснащённая» система взглядов.** Поэтому особенно важен масштаб политической, социально-экономической или какой-нибудь другой теории, из которой респонденты выводят свои действия.

Вот рассуждения тогдашнего губернатора Нижегородской области Б. Немцова из его интервью в июне 1995 г., где, помимо убедительного доктринального послания, присутствуют политическая ревность и моменты сравнительного анализа. Он

сказал следующее по поводу «нижегородской модели» перехода к рынку: «Самое главное, что мной движет, – это общеполитическое понимание дела, которое основано на стратегии индивидуальной свободы для личности. Сегодня в Нижнем Новгороде десятки тысяч людей самостоятельно принимают решения, кто-то разоряется, кто-то выигрывает, но они идут вперед. Идеология доверия, идеология свободы – вот что для меня важно. Вот много пишут о Нижегородской и Ульяновской моделях развития, сравнивают их. Если взять в целом, самое главное отличие между нами в том, что они строят коммунизм, а мы – нет. Возьмем, к примеру, нашу земельную реформу. Это, вообще-то, капитализм. Но это не значит, что мы собираемся разваливать традиционную форму в одночасье. Например, разделить на кусочки землю. В смысле рынка, частной собственности, экономической свободы, отсутствия административного нажима это, конечно, капитализм. А в смысле традиционного уклада жизни, работы, сохранения сельского сообщества – в данном значении это российский самобытный тип капитализма. У нас здесь осуществляется уникальная модель. Я сейчас вам скажу, почему меня интересует тема сравнения Нижнего Новгорода и Ульяновска. Россия находится на переломном этапе своего развития. Драматизм ситуации состоит в том, что никто не может ответить, какой путь для страны наиболее приемлем, наименее кровав и безболезнен. Лучшей иллюстрацией этой неизвестности является пара регионов: Нижний Новгород и Ульяновск, которые движутся в противоположных направлениях. Ответ на вопрос: Нижний или Ульяновск? – это ответ на вопрос о пути России. Губернатор Ульяновской области Юрий Горячев¹¹ – это цельная личность и честный человек. Но в системе созданных им ограничений, которая существует наряду со свободным рынком, где государственная собственность сосуществует со сферой частного интереса, такая система предназначена для административного произвола. Это мировоззренческая разница между мной и Горячевым – фундаментальная. Из данных обстоятельств и следует моя поведенческая особенность».

Данные рассуждения можно определить как наиболее глубокий и завершенный тип идеологической позиции. В приведенном отрывке даже главный вопрос прогресса России ставился в контексте наступательно трактуемой дилеммы о том, куда смещается центр развития общества, и какой исторический субъект его воплощает. Подобный онтологический подход служит наиболее выраженной идеологической санкцией правоты собственных действий.

Дальнейшие примеры только подтверждают тесную взаимосвязь дедуктивного мышления с идеологией. Вот логика одного из депутатов Госсовета Татарстана: «В моем представлении в основе татарстанской идеологии лежат тысячелетние философские ценности. Эти ценности можно объ-

единить в несколько аспектов, главные из которых три: общетюркский, исламский и национальный аспекты. Они отражают историческую судьбу нашего народа. Общетюркский аспект показывает татар как часть тюркской цивилизации, уходящей корнями в глубину веков. Исламский аспект отражает многовековой духовный опыт народа как осколка исламской цивилизации. Осколка потому, что в XIX в. у нас произошло реформирование ислама под названием “джадидизм”. В итоге он стал отличаться от традиционной мусульманской религии, и его с полным правом можно назвать “евроисламом”. И, наконец, сам национальный аспект представляет татар как самобытную общность среди других народов. Объединение всех этих аспектов способствует формированию татарстанской государственности в условиях новой федерации, а также формированию татарстанского этноса в нацию, т. е. в этнос, осознавший себя полноправным субъектом исторического процесса. Такое осознание одновременно есть осознание политической цели – завоевание национальной независимости».

Примеров можно привести еще множество, но напоследок зафиксирую рассуждения ещё одного татарстанского политика о «глобальном федерализме как философии взаимной ответственности за мир на Земле»: «Международное сообщество пребывает в иллюзии, что мир состоит из государств, в то время как он состоит из народов. Лидеры великих держав полагают, что именно они определяют порядок, но их самонадеянность разбивается о волю народов к свободе и самоопределению... Этот подход выдвигает ценности, стоящие над интересами национальных государств и носящие планетарный характер. Тем самым принцип равноправия народов переходит из плоскости декларации в практическую плоскость».

Подобные рассуждения можно назвать «мировоззренческими». Мировоззренческий стиль имеет сильную тенденцию к всестороннему и полному выражению политических ценностей, которые выводятся из более общего набора главных принципов.

Весьма важным аспектом проводимых региональными элитами историко-культурных реконструкций является обоснование особого статуса той или иной формы региональной власти в продолжающемся споре о правах республик и областей. Эти реконструкции подчеркивают актуальное значение данной проблемы для правящих элит национальных республик. Вот мнение заместителя председателя Народного Хурала Калмыкии: «Самый больной вопрос для федеральных органов власти в том, что они никак не могут определиться с тем, что такое Российская Федерация. Мы говорим: Россия плюс республики есть федеративное государство. А сама Россия – это края и области. Из этого и надо исходить – Россию составляют края и области, а

Российскую Федерацию составляют республики, входящие в состав Матушки-России. Поэтому республика, какая бы она ни была, всегда выше по своему политическому статусу и положению, чем края и области. И равны они по отношению к федеральной власти, а не между собой». В этой связи примечательна также позиция депутата Госсовета Татарстана, председателя Всемирного конгресса татар: «Давайте рассмотрим разницу между правами Татарстана и, скажем, Свердловской области. Даже будучи формально равноправными, у них различные источники этих прав. Права Татарстана – это собственный суверенитет, источник прав – народ. А права Свердловской области это спущенные права из Центра, чтобы и Москве было хорошо, и области. Разницу почему я так сильно детализирую? Ведь как получается с правами областей: кто дал, тот и отнял. Были сегодня права у области, завтра – их нет, Ельцин отнял. С республиками так не поступишь, это не просто административные единицы, это ячейки культуры и традиций. За республикой стоит народ, он – источник статуса. Если нашему народу дать возможность свободно работать, то мы будем процветать. Возьмём историю – Булгарское царство, Казанское ханство – они процветали». Два последних суждения из интервью калмыцких и татарстанских политиков показывают, что их авторы представляют как непримиримые парадигмальные оппоненты проекту «губернизации» России. Именно в отношении федеративного устройства и прав ее субъектов проходил главный водораздел между подходами республиканских и областных элит власти в 1990-е годы. Калмыцкие и татарстанские политики обосновывали свой статус тем, что считали республики «отечествами» своих этнических групп.

Восприятие республик как «отечеств» своих этнических групп лишней раз доказывает, что национальные элиты выражают региональную идеологию прежде всего как культурную систему. Эта система не имеет ничего общего с идеологиями типа либерализма или социализма, с ориентациями «право–лево–центр». Исторически осознаваемая традиция более восприимчива к догматам самооценки и созданию аутентичных своей культуре теорий. И, напротив, там, где традиция воспринималась не так остро, либо она воспринималась прежде всего как общероссийская («единая и неделимая Россия»), а не как локальная национально-культурная основа, принципы регионализма проявлялись не так сильно.

Вопреки ожиданиям, довольно трудно просматриваются идеологические основы политики у нижегородской власти. Как было показано, Б. Немцов сам размышляет очень последовательно и дедуктивно. К этому надо добавить то, что возглавляемые командой Немцова реформаторские начинания (приватизация сферы торговли и грузового транспорта, подчеркнутая открытость с иностранцами, формирование регионального

земельного рынка, капитализация пенсионного фонда и т. д.) каждый раз получали пропагандистское отражение в СМИ и тем самым вбрасывались в пространство российской публичной политики. В результате этих рекламных усилий Нижегородская область имела ярко выраженный комплекс лидерства с изрядной долей реформистского мессианства. Однако за пределами референтной группы Б. Немцова (узкого круга представителей местного, московского и зарубежного политико-финансового и эстрадного бомонда) основной массив региональной власти размышлял вяло и пассивно. В итоге получилась следующая картина: принципы и основы нижегородской политики активно декларировались лидером–губернатором Б. Немцовым, но местная властвующая группа комментировала их весьма прохладно. Идеологические позиции подавляющей части местных политиков и чиновников характеризовались анонимностью, эклектизмом и в целом были мало-выразительны.

Очевидно, именно поэтому продуктивный в агитационном плане образ Нижнего Новгорода как «рыночного флагмана» оказался плоским, лишенным глубоких эмоциональных «вторых–третьих планов» и не оказывающим заметного влияния на местное общественное мнение. Это было отмечено и в сенсационном выводе И. Клямкина. Вывод гласил, что общий ресурс поддержки нижегородцами здешней приватизации торговли и сферы услуг довольно низок, а оценка – ниже среднероссийской¹².

Из всего приведенного мной сравнительного анализа вытекает весьма важный вывод. Калмыцкие и татарстанские политики гораздо более идеологичны, чем нижегородские и саратовские. В чем тут проблема?

Проблема заключается в наличии у татарстанской и калмыцкой элит дедуктивно организованной, четко артикулированной и закрытой системы видения локальных интересов, то есть в более выраженных у республиканских и менее выраженных у областных лидеров идеологических механизмах, обеспечивающих процессы самоидентификации региональных сообществ. Например, для татарстанской и калмыцкой правящих элит такие идеологические конструкции, как «модель Татарстана – новая парадигма», «Евроислам», «Глобальный федерализм», «Татарстанцы – нация», «Корпорация Калмыкия», «экономико-правовой оазис» и т. п. стали собственными политическими декларациями. Мотивационные и нормообразующие потенциалы данных идеологем были призваны преодолеть состояние идеологической разобщенности внутри своих сообществ. Эти модели к тому же оснащены санкцией наследников предыдущих цивилизаций (монголо-ойратская культура, культура народов Прикамья, Булгарское царство, Калмыцкое ханство и т. д.).

Любопытно на таком фоне рассмотреть идеологию политических элит русских регионов–Ни-

жегородской и Саратовской областей. Большая часть областных политиков в Нижнем Новгороде и Саратове назвала идею «возрождения России как великой державы» единственной идеей, которая могла бы объединить российское общество. Эти же люди высказывают точку зрения, что «экономика России должна быть единым организмом» и что «все разговоры о самостоятельности регионов подрывают единое экономическое пространство России».

В то же время данная установка неплохо сочетается у них с приверженностью к абстрактным принципам «демократии», «правового государства», «рыночного благополучия» и т. д. Однако большинство из региональных политиков (включая республиканских) отметили, что господство либерально-демократических принципов в их гайдаровском варианте несовместимо с реализацией идеи «возрождения России как великой державы». Господство такого либерализма, по мнению этого большинства, ведет страну к государственному распаду, фрагментации и колонизации всего российского пространства.

Все это говорит о внутренней запутанности и противоречивости политического мировоззрения подавляющего большинства представителей областных элит власти¹³. В целом их оценки социально-политической ситуации характеризуются неопределенностью, незавершенностью и пессимистическими ожиданиями¹⁴. Элиты русских областей призывают возродить Россию. Но термин «возрождение» носит весьма неясный характер. Призыв к возрождению России, ее «единству и

неделимости» преимущественно отражает эмоциональное недовольство текущей российской политикой. Это недовольство порождает идеологемы общероссийского предназначения. Например, лозунги типа «Нижний Новгород – столица реформ», «Нижний Новгород – карман “России”», «русский Детройт», «Саратов – столица Поволжья» отражают общероссийский размах и претензии.

Элиты областей, как правило, выступают с позиции абстрактных общегосударственных, общероссийских приоритетов. Их ценности мало соответствуют тем идеям и нормам, в рамках которых татарстанские и калмыцкие лидеры осуществляют политику своих «естественных путей» и своих «региональных интересов».

Однако здесь необходимо сделать важное замечание. Полученный результат не является попыткой противопоставления национальных республик русским областям. При иной региональной выборке (иной географической конфигурации) мы могли бы иметь совсем другой результат. В нашем случае Татарстан и Калмыкия – это республики, которые в идеологическом плане являются одними из наиболее «предельных», а потому наиболее показательных. Наряду с ними существуют республики, чья депрессивность и заброшенность во многом являются следствием примитивно-рваческого правления местных властвующих групп.

Региональные идеологемы образуют поле сильной локальной идеи, откуда произрастают символические конструкции регионализма (таблица).

Характер и направления идеологических конструкций регионализма

Регион	Концепции (идеологемы)	Направления – Обращения
Татарстан	«Модель Татарстана–новая парадигма» «Татарстанцы – нация» «Евроислам» «Глобальный федерализм» «Татарская диаспора» «Мягкое вхождение в рынок»	Обращение к населению Татарстана Апелляция к мировому сообществу и международным организациям Апелляция к Москве Обращение к исламскому миру Обращение к татарской диаспоре Обращение к соседним народам (идея Волго-Уральского содружества тюркских и финно-угорских народов) и странам СНГ.
Калмыкия	«Корпорация “Калмыкия”» «Экономико-правовой оазис» «Монголо-ойратская цивилизация»	Обращение к населению Калмыкии Апелляция к мировому сообществу Апелляция к Москве Обращение к буддистской традиции и философии Востока Обращение в будущее
Нижний Новгород	«Частная собственность» «Свобода» «Нижний Новгород – русский Детройт» «Нижний Новгород – карман России» «Нижний Новгород – столица реформ»	Апелляция к Москве; Апелляция к республикам Российской Федерации.
Саратов	1993–1996 гг.: «Демократия – правовое государство» «Единая и неделимая Россия» после 1996г.: «Саратов – столица Поволжья».	Апелляция различных ветвей власти и политических группировок региона друг к другу Апелляция к Москве Апелляция к Москве; Апелляция к другим регионам России

Здесь необходимо сделать ещё одно замечание, которое определяет действительный вес каждой идеологемы в политической жизни региона. В реальной ситуации ни одна из региональных конструкций в отдельности не может выступать в качестве всеобъемлющей характеристики регионального развития. Будучи вариантом истолкования региональной идентичности, каждая из них является «**ракурсом интерпретации**»¹⁵ локальной модели развития. Так, «глобальный федерализм», «евроислам» служат ракурсами интерпретации «модели Татарстана»; «экономико-правовой оазис» – в качестве ракурса интерпретации «корпорация “Калмыкия”» и т. д. Все ракурсы интерпретации должны быть учтены, но ни один из них не является полным и единственно возможным. Очевидна заведомая относительность правоты каждого. Ни один из них не может быть охарактеризован как путь того или иного региона. Вопрос о «пути» будет решаться на пересечении этих ракурсов. Последние вскрывают региональную специфику в переходном обществе, претензии и интересы правящих групп, а также культурные ресурсы, привлекаемые каждой из них. Лишь совокупное их действие образует региональную идеологическую и политическую целостность.

При всей разности культурного содержания изложенных региональных идеологем их объединяет устойчивое антимосковское начало. Всё это говорит о том, что «новая» Россия для некоторых региональных элит выступает как дефектный политический субъект. Субъект, у которого нет реально проводимого устойчивого стратегического курса, нет единой государственной линии национальных интересов. Такой взгляд региональных элит ведет к активизации действий в направлении к собственному политическому самоутверждению, а также к расширению сферы этого самоутверждения. Следовательно, постсоветская модернизация своих регионов мыслилась их идеологами вне и поверх разрабатываемых Москвой идеологических конструкций «новой России». Примечателен в этом отношении пример из идеологической практики казанских политиков: противопоставление татарского «евроислама» российскому «евразийству». Евразийство рассматривалось в Казани в 1990-е гг. как теория, развиваемая с точки зрения сугубо русских интересов и ограничивающая геополитическую свободу Татарстана.

Нельзя не отметить ещё один важный момент. В идеологиях татарстанской и калмыцкой элит националистический синдром получил весьма ограниченное место. Это резко отличало татарстанское и калмыцкое самоопределение от идеологии и практики «чеченской революции». Данное обстоятельство создавало предпосылки для конструктивных решений, связанных с расширением пространства маневрирования за счет инноваций политики и дипломатии («Гаагская инициатива», «глобальный федерализм», «оф-

фшорная зона», «экономико-правовой оазис» и т. д.), включающей совершенствование системы договоров и союзов, институциональное закрепление новых инициатив. Реализация подобных возможностей связана в Татарстане и Калмыкии с наличием значительного массива умеренно и трезво мыслящих держателей власти, которые дистанцировались от крайних лозунгов. Характерен в этом отношении следующий пример. В то время как в Чечне, после прихода Дудаева к власти, происходило повальное вооружение населения, 17 октября 1991 г. в Казани вышел указ Президента Татарстана о запрещении создания и деятельности общественных военизированных объединений и вооруженных формирований на территории Татарской ССР¹⁶. Данный указ изначально пресёк любые возможности выхода ситуации из-под контроля.

4. 2000-е годы – эпоха Путина: молчание элит и «кремленизация» идеологических поисков

Уход Бориса Ельцина завершил революционный этап в истории пост-коммунизма и начало нового, технократического этапа. Как отметили эксперты Центра политических технологий, с началом путинской централизации политический процесс утратил зрелищность и привычную для ельцинской эпохи карнавальность. Публичная составляющая политического процесса резко сократилась, а вместе с ней уменьшилось пространство для конфликтов¹⁷. Укрепление позиций В. Путина как национального лидера сопровождалось триумфом политического моноцентризма, а вместе с ним ограничением политической автономии и подавлением региональных эгоизмов. Политический статус и влияние региональной элиты были ошутимо подорваны.

Если говорить коротко, а потому неизбежно схематично, то данный поворот в конечном счёте привёл к закреплению прагматизма и идеолофобского настроения в деятельности современной российской элиты. В политике нынешнего Кремля идеология не играет никакой роли, следствием чего является продолжающийся понятийный и ценностно-нормативный хаос в обществе. Все идеологические поиски центральной власти (от «суверенной демократии» до «Молодой Гвардии» и «Русских маршей») – это исключительно пиар-проекты, а объединяет российский правящий класс не идеология, а бизнес-интересы. Бросается в глаза и молчание олигархов, которые сменили региональных лидеров 1990-х гг. на посту основных «героев» российской политики. Крупный бизнес не участвует в полемике о политическом курсе власти и политическом будущем России. В целом отечественный правящий класс не осуществил пока внятную концептуализацию проводимой политики. Без такой концептуализации трудно реализовать эффективную модернизационную конкретику.

Заключение

Резкий рост российского регионализма – это политическая проблема, которая явилась следствием драматических изменений в советском обществе на рубеже 1980–90-х годов. В формирующемся государстве, где нет единой системы политического целеполагания, резкая смена социального порядка неизбежно влечёт за собой становление разнородных и разнотипных региональных политических систем. Невнятность базовых параметров новой российской государственности, неспособность этого государства осуществлять объединяющую функцию оказали отрицательное воздействие на процессы гражданской интеграции в обществе и открыли дорогу региональному самоутверждению.

Как было отмечено, крушение прежней легитимности политического порядка сопровождалось тяжелым культурным кризисом. Именно такие условия чрезвычайно благоприятны для формулирования новых идеологий. Обстановка идейно-волевой прострации в обществе расшатывает систему мироощущений человека, рождает неудовлетворенность и требует определенного замещения. Во время кризисов, когда экзистенциальные вопросы обостряются, значимость ценностей, веры и системы убеждений возрастает.

В условиях общероссийского идеологического коллапса многие региональные политики осуществили в своём мышлении качественный скачок, суть которого – переход к действиям в политических и геополитических категориях. Это означало, что локальные элиты и вырабатываемые ими идеологии выступали как силы развития, актуализирующие разнонаправленность векторов российского политического устройства. Следовательно, региональные правящие группы в новейшей России вполне уместно рассматривать как чётко различающиеся единицы политического анализа.

Идеология выступает как концептуально «оснащённая» система взглядов. Идеология реализуется как движение от общего («страсти по всеобщему») к частному («бессвязный инкрементализм»). Наш анализ показал, что такие идеологемы, как «глобальный федерализм», «евроислам», «корпорация “Калмыкия”» – это идеи, которые изначально содержали в себе парадокс, конструктивное напряжение мысли и воли республиканских элит, были частью смыслового пересмотра политического порядка эпохи Ельцина–Гайдара. Именно в силу такой напряжённой парадоксальности¹⁸ республиканские идеологемы играли свою роль в самоидентификации Татарстана и Калмыкии. Напротив, ни одна из «общероссийских» и «общечеловеческих» идеологем – начиная от «демократии», «свободы», «прогресса», «единой и неделимой России» и кончая «суверенной демократией», – не стали общенациональными «великими текстами». Потому

что ни один из этих лозунгов не находится в поле смыслового напряжения. Все они висят в воздухе без должной онтологической основы и потому являются пропагандистскими «нашлёпками».

Эпоха Путина–Медведева характеризуется сугубым прагматизмом и доминированием частностей над идеальной мотивацией. Это исключает конструктивное напряжение мысли и воли национального правящего класса. Ключевым стимулом для последней является спекулятивное затягивание переходного периода и уход от всякой концептуальности и смыслообразования.

Примечания

- ¹ Под регионами здесь и далее понимаются субъекты РФ. Употребляемые в работе термины «провинции», «земли», «локальные сообщества» также обозначают субъекты РФ. Точно так же используемые в статье термины «элита», «правлящий/господствующий класс», «властвующая группа» соотносятся друг с другом как синонимы.
- ² См. более подробно: *Магомедов А. К.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М., 2000. С. 25–45.
- ³ *Geertz C.* Ideology as a Cultural System // *Geertz C.* The Interpretation of Culture. Selected Essays. L., 1993. P. 220.
- ⁴ См.: *Мангейм Дж., Рич Р.* Политология. Методы исследования. М., 1997. С. 343, 344.
- ⁵ НГ – Сценарий. 1996. № 6. 19 сентября.
- ⁶ См.: *Симбирский курьер.* 1994. 14 апреля.
- ⁷ См.: *Гучинова Э.-Б.* Власть в этнокультурном контексте // *Независимая газета.* 1994. 9 июля.
- ⁸ Даже близкая к ельцинскому окружению Нижегородская область в своё время обратилась в Конституционный суд по привлечению к ответственности кабинета Гайдара в связи с нехваткой наличных денег (Нижегородский пролог. Экономика и политика в России. Н. Новгород; М., 1992. С. 63).
- ⁹ *Хакимов Р.* Россия и Тагарстан: У исторического перекрестка // *Молодежь Татарстана.* 1995. № 11. 17–23 марта.
- ¹⁰ В идеологическом плане наиболее тяжелый случай – «чеченская революция» с ее целями и лозунгами.
- ¹¹ Юрий Горячев – бывший губернатор Ульяновской области в 1992–2000 гг. Имел репутацию «красного администратора» и был ярким противником рыночных реформ. (Примеч. автора).
- ¹² См.: *Клямкин И. М.* Какой авторитарный режим возможен сегодня в России? // *Полис.* 1993. № 5. С. 65, 66.
- ¹³ Интересно сравнить данный анализ с идеологическими ориентациями региональной бизнес-элиты. Как отмечает нижегородский исследователь Н. Распопов, взгляды известных в регионе бизнесменов отражают причудливую смесь либерализма, консерватизма, социализма, национализма и т. д. (*Распопов Н. П.* Теоретические проблемы политической активности ни-

жегородского бизнеса на выборах в Госдуму (декабрь 1995 года) // Нижегородские выборы – 95: новые тенденции и старые уроки. Н. Новгород, 1996).

¹⁴ Это подтверждается результатами масштабного эмпирического проекта ученых Института социологии РАН по изучению представителей органов власти и руководителей предприятий шести российских областей (Мозговая А. Б. Экономика и гражданское общество. М., 1996. С. 27.)

¹⁵ Данным термином я обязан В. Федотовой: *Федото-*

ва В. Г. Судьба России в зеркале методологии // *Вопр. философии.* 1995. № 12. С. 21–34.

¹⁶ Общий отдел Аппарата Президента Республики Татарстан.

¹⁷ См.: Бунин И., Зудин А., Макаренко Б., Макаркин А. Карнавала не будет. Политические будни большой реформы // НГ – Сценарий. 2001. № 6. 10 июня. С. 2.

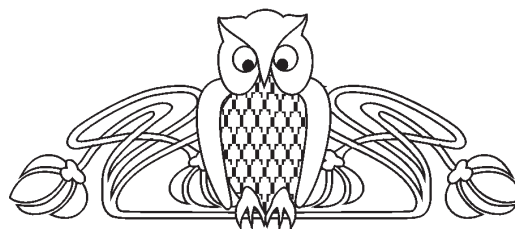
¹⁸ На этот аспект идеологического производства указал Игорь Яковенко. (Яковенко И. Интеллигенция в поисках идеи // Рубежи. 1997. № 8–9. С. 166–167).

УДК 32.01

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО АНАЛОГОВЫЕ ФОРМЫ

Н. И. Шестов, Г. М. Барашков

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье рассматриваются аналитические возможности понятия «аналоговые формы» применительно к изучению процессов становления гражданских обществ в России и современном мире.

Ключевые слова: политические системы, гражданское общество, мировой опыт демократизации, формы перехода к демократии.

Civil Society and its Analogues Forms

N. I. Shestov, G. M. Barashkov

In this article analytical possibilities of the concept «analogues forms» are considered respectively the study of the formation processes of civil societies in Russia and in the modern world.

Key words: political systems, civil society, world experience of democratization, ways of society transformation into democracy

В современной политической науке существуют два наиболее заметных подхода к проблеме гражданского общества:

– во-первых, гражданское общество представляется как теоретическое понятие, не имеющее точной привязки к историческим реалиям, как государство, общество, закон. Из этого посыла следует, что возможно бесконечное множество реальных и равноправных моделей гражданского общества. Поэтому бессмысленно концентрировать внимание науки исключительно на западном опыте;

– во-вторых, гражданское общество – это ряд конкретных исторических форм, которые могут и должны быть повторены другими общностями. В данном случае западные гражданские общества условно являются эталоном, по отношению к которому создаются национальные формы гражданских обществ.

Свойства этих двух теоретических позиций таковы, что их сторонники могут до бесконеч-

ности спорить о том, какая из этих двух теоретических парадигм лучше характеризует процессы, реально протекающие в разных странах и частях света, и не прийти к обоюдоприемлемому результату. Ключевой структурной проблемой обоих подходов является исходная установка на восприятие любой формы (модели) гражданского общества как органичной, внутренне целостной, в которой есть устойчивая связь смысла, формы и функций. Установка эта имеет характер в полном смысле религиозного верования, порожденного трехсотлетней историей наблюдений европейцев за успехами их собственных либеральных политических и экономических систем и самоуверенности в том, что принесенные европейцами в жертву буржуазному развитию культурные, материальные и человеческие ресурсы не пропали зря. Что ежели какой народ в мире прибегает к средствам демократического развития, то он вдохновляется глубоким осознанием «истинной» сущности тех ценностей, идей и институтов, которыми начинает оперировать. Это верование, с другой стороны, поддерживалось и поддерживается готовностью политических и культурных элит обществ, еще не апробировавших буржуазный путь развития, но симпатизирующих материальному благополучию «западной» цивилизации, использовать идеи и ценности либерализма для убеждения собственных граждан в необходимости отдать максимум общественных ресурсов в руки своих национальных либерал-реформаторов.

Это верование, достаточно далекое от свойств самой современной «западной» либеральной теории, которая вынуждена списывать на издержки современной и прежних модернизаций тот факт, что даже в успешно развивающихся либеральных системах (североамериканской, западноевропейской) внутренней органичности